

ТАК РОЖДАЕТСЯ КРАСОТА

МАРИНА СЕМЕНОВА... С этим именем связана целая эпоха в советском балете. Сейчас выдающаяся балерина — педагог-репетитор в Большом театре Союза ССР. Ее уроки начинаются с занятий в «классе». Это не только тренаж, подготовка к репетиции. Это — постоянное совершенствование искусства артистов, шлифовка их мастерства. Правильное построение таких уроков раздвигает границы возможностей танцовщика, позволяет решать самые сложные творческие задачи. Этому трудному искусству отдает талант, силы, беспокойство души своей Марина Тимофеевна Семенова.

На репетиции Семеновой прихожу каждый день — хочу до конца понять их главный смысл. Говорят, это невозможно: алгеброй гармонию не поверить... Но я пытаюсь, и сейчас, рассказывая о ней — о человеке, который творит красоту, сама себе стараюсь дать ответ: все ли запомнила, все ли поняла, все ли сделала для того, чтобы взять на себя трудное право писать о Семеновой.

Ту блистательную, полупрозрачную Семенову я не видела — фотографии не в счет. А эта женщина кажется мне обыкновенной. Но когда прихожу к ней на репетицию, начинаю смотреть и слушать, оказываюсь сразу же в плену ее удивительной молодости и обаяния.

Слову ее присуща неожиданная точность сравнений, та точность, которая помогает ученицам Семеновой отчетливо осознать, что же она хочет от них. И поразительная образность... Помню ее замечание, адресованное Наталье Бессмертновой (шла репетиция «Спартак»): «Зачем душу напрягаешь? Не донела ты своего танца, не досказала, потому и скучна твоя вариация. Движение должно дорости до твоих чувств. Танцевать надо широко, значительно! А у тебя в ногах скорговорка, света какая-то!».

Она как волшебник: одним словом, одной фразой умеет снять любой дефект фигуры, прочертить идеальную линию тела.

Рабочий день Семеновой начинается с тренировочного «класса», обязательного для артиста, как восход и заход солнца. Без него нет балета. В классе перед Мариной Тимофеевной проходят все ее воспитанницы — и скромные артистки кордебалета, и примы, знаменитости, покорившие своим искусством весь мир. Все перед ней равны, все послушны. Она судья, справедливый и строгий, улавливающий каждую неверную ноту, обладающий редчайшим даром абсолютно и совершенно слышать пластику. И потому ее слово непререкаемо, как закон.

К каждой ученице (а их у Семеновой пятьдесят!) есть у нее свой подход.

«У каждой своя музыка, — объясняет Марина Тимофеевна, — и я должна ее услышать». Она сдержанно хвалит, беспоощадно критикует, неделями не говорит ни слова, узнает, на что же способен человек. Семенова вслушивается в музыку каждой, стремится к безукоризненной точности их будущей мелодии.

Живые, темпераментные уроки Марины Тимофеевны кажутся блестящей импровизацией. И вместе с тем она точно знает, что сегодня сделает, кому сию минуту ее помощь нужна более всего.

О семеновском «классе» надо говорить особо. А начать, мне кажется, следует с того, что с первых же движений своих учениц Семенова понимает их душевное настроение. И это позволяет ей сразу определить всю линию сегодняшних занятий для каждой из балерин. Кому — просто тренаж, кому — удвоенная нагрузка, а кого — пока оставить в покое. Нет в ее «классе» заученности, повседневности, чего-то раз и навсегда установленного. Нет обязательного набора десятилетиями вытверженных движений. Это — творчество. Это — любовь. И балерина, прошедшая школу Семеновой, получает заряд мастерства на долгую жизнь в искусстве.

После занятий в классе — репе-

тиции. Теперь перед Семеновой только солистки. Она готовит их к спектаклю, проходит с ними целые танцевальные фрагменты.

Семенова — педагог страстный. Любая, даже самая незначительная небрежность, любая неточность, неискренность находят в ней непримиримого противника. Помню, что говорила Марина Тимофеевна балерине, готовившей партию Марии в «Бахчисарайском фонтане»: «Не страдай лицом». В ее голосе не было и тени жалости: «Ты мне лучше носочек как следует оттяни. Посмотри — у тебя одна рука живет, а другая, как в параличе. И прыгни, девочка, хорошенько, не ленись!».

И неудавшееся движение будет повторено до тех пор, пока танцовщица не отшлифует его до блеска.

Вдруг танец покажется Марине Тимофеевне недостаточно эмоциональным. Она резко хлопнет в ладоши и скажет: «Ты не станцевала музыку, а прошла всю фразу зря, впустую. Надо наполнить танец чувством. Надо оправдать каждую линию тела». И будет требовать, требовать, требовать...

Мои наблюдения сводятся в конце концов к вопросу: в чем же секрет творчества? Сама она отвечает на этот вопрос так: «Рецептов тут нет никаких. Есть знания, которые мне дала Ваганова, моя учительница. Есть мой собственный опыт, умение правильно видеть и чувствовать человеческое тело».

Она никогда не навязывает своего решения роли — она ждет, с чем придут к ней ученицы. И будет счастлива отобрать лучшее. И потому трудно сказать, где кончается удача балерины и начинается удача педагога, где граница между счастьем мастера и ученика: труд, талант первого прочно переплетен с дарованием второго.

Семенова — человек удивительной работоспособности. В десять часов утра начинается ее рабочий день. Одна репетиция, вторая, третья... Она может работать по десяти часов, не выходя из репетиционного зала, забыв обо всем, словно не замечая течения времени, и тень усталости, кажется, не касается ее. Это труд без пощады и жалости к себе самой, это увлеченность, одержимость.

«Что больше всего ценю в своей работе? Учеников. Плохих, хороших, бездарей, талантливых. Репетиционный зал. Работу самое. А когда вижу свой труд на сцене, мне уже скучно. И пустота какая-то: будто кончился праздник, захлопнула хорошую книгу. И если не вижу ничего впереди — нет мне жизни», — говорит она.

Ее энергии нельзя не поразиться. Кажется, рабочий день вытянул из нее все. Но нет. Вечером она идет в Институт театрального искусства имени Луначарского, где преподает методику классического танца, потом будет нянчить внука, готовить ужин (дом ее всегда полон гостей). А в минуты, свободные от постоянного творческого напряжения, скажет смеясь: «Я и папа, я и мама, и бабушка, и театр, и ГИТИС». Она помогает молодым балетмейстерам, готовит концертные номера, следит за своими воспитанницами из других театров и городов.

«Каждым своим возрастом я живу полной жизнью. Я не закрываю от нее душу и сердце», — сказала она однажды. Она щедра к жизни и жизни щедра к ней. Искусство ее учениц соткано из прекрасной, тончайшей работы ткани, по узорам которой узнаешь талантливые руки создавшего ее мастера. В нее вплетены нити вечности: сегодняшние балерины передадут семеновское искусство своим детям, внукам, правнукам.

И процесс этот бесконечен.

Н. ПЛЕХАНОВА.

26 АРГ 1969

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Москва